

КНИГИ
УИЛБУРА
СМИТА:

РЕЧНОЙ БОГ
♦
СЕДЬМОЙ СВИТОК
♦
ЧАРОДЕЙ
♦
НА КРАЮ СВЕТА

ПОЛЕТ СОКОЛА
♦
ЛУЧШИЙ ИЗ ЛУЧШИХ
♦
И ПЛАЧУТ АНГЕЛЫ

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ
♦
МУССОН
♦
КОГДА ПИРУЮТ ЛЬВЫ
♦
И ГРЯНУЛ ГРОМ
♦
ПАДЕНИЕ С НЕБЕС
♦
ГОЛУБОЙ ГОРИЗОНТ
♦
ПЫЛАЮЩИЙ БЕРЕГ
♦
ТРИУМФ СОЛНЦА

НЕУКРОТИМЫЙ, КАК МОРЕ
♦
ГЛАЗ ТИГРА
♦
НЕ БУДИ ДЬЯВОЛА

УИЛБУР
СМИТ

ГЛАЗ ТИГРА

НЕ БУДИ
ДЬЯВОЛА

Санкт-Петербург

ГЛАЗ ТИГРА

Был один из тех сезонов, когда рыба запаздывает. Я насилывал катер и команду, ежедневно мотался далеко на север, приходил в Гранд-Харбор по самой темноте и к шестому ноябрю совсем приуныл, но тут в фиолетовых волнах Мозамбикского течения нам встретился первый нормальный марлин.

В тот раз «Танцующую по волнам» зафрахтовала не группа рыбаков, а один человек: мой постоянный клиент, нью-йоркский рекламщик по имени Чак Макджордж. Раз в год он совершал паломничество длиной в шесть тысяч миль: прилетал на Сент-Мэри, рассчитывая на завидный трофей. Невысокий крепыш, на висках седина, а макушка лысая, как страусиное яйцо, бурая, вся в морщинах мартышечья физиономия. Но ноги хорошие, крепкие, а когда выводишь крупную рыбу, крепкие ноги тебе ой как пригодятся.

Когда мы наконец заметили марлина, он мчался у самой поверхности, выставив из воды плавник длиннее человеческой руки и кривой, словно ятаган. По изгибу сразу понятно, что перед тобой марлин, а не морская свинья или акула. Анджело увидел его в тот же миг, что и я, перегнулся через релинг передней палубы, издал восторженный возглас, сверкая зубами в ослепительных лучах тропического солнца, и ветер хлестнул цыганскими кудрями по его смуглым щекам.

Марлин то нырял, то выныривал. Когда вода расступалась, он походил на громадное черное бревно с хвостовым плавником, в точности повторявшим изящный изгиб спинного, а потом снова уходил в глубину, и вода смыкалась над его широкой блестящей спиной.

Я тут же обернулся к кокпиту, где Чабби уже помогал Чаку устроиться в здоровенном кресле для вываживания, застегнуть страховочную сбрую и натянуть перчатки. Он перехватил мой

взгляд и угрюмо сплюнул за борт, являя собой полную противоположность всем нам, уже кипевшим от азарта.

Чабби огромный, с меня ростом, но значительно шире в плечах и талии. И еще он самый отъявленный пессимист из всех, кого я знаю в нашем бизнесе.

— Стесняется твой марлин, — пробурчал он и снова сплюнул, а я усмехнулся и крикнул:

— Не слушай его, Чак! Старина Гарри тебе эту рыбину на блюдечке поднесет!

— Есть у меня тысяча баксов, и она готова с тобой поспорить! — Чак морщился от ярких отблесков солнца на воде, но глаза его возбужденно сияли.

— По рукам! — Приняв пари, хоть оно и было мне не по карману, я вновь переключил внимание на марлина.

Конечно, Чабби был прав, ведь он лучший в мире специалист по лучеперым — после меня, конечно. Это страшилище и впрямь оказалось пугливым.

Пять раз я бросал ему приманку — и так и сяк, со всевозможными хитростями и выкрутасами, — но, как только «Танцующая» шла ему наперерез, марлин бил хвостом и уходил в сторону.

— Чабби, там шмат корифены в леднике! — в отчаянии крикнул я. — Наживляй, с первого раза клюнет!

На корифену он соблазнился. Воблер я сделал сам, и он скользил по воде как живой. Я засек тот момент, когда марлин заинтересовался приманкой, напружинил свою громадную тушу, развернулся и сверкнул зеркальным брюхом, пустив из-под воды стайку солнечных зайчиков.

— Купился! — завопил Анджело. — Он купился!

Моими стараниями в начале одиннадцатого марлин заглотил приманку. Во время первых рывков и свечек я держал катер как можно ближе к обезумевшей рыбине, ведь избыток лески в воде — нешуточная нагрузка на рыбака, поэтому от меня требовалось нечто неизмеримо большее, чем зубовный скрежет и крепкая хватка на мощном фибергласовом удилище. Чак же, обустроившись в кресле, вываживал добычу, и тут его крепкие ноги прищипались как нельзя кстати.

Вскоре после полудня он одержал верх: марлин поднялся на поверхность и стал описывать первый из широких кругов. Теперь

Чаку предстояло сужать их, потихоньку выбирая леску, пока мы не забাগрим его трофей.

— Эй, Гарри! — крикнул вдруг Анджело, отвлекая меня от дел. — У нас гость!

— Гость? Какой еще гость?

— Большой Джонни, против течения прет, — показал он. — Свежатинку почуял!

Я проследил за его жестом и увидел акулу, привлеченную шумом схватки и запахом крови. Вернее, не акулу, а размеренно приближавшийся к нам тупой плавник. Похоже, молот-рыба.

— На мостик, Анджело! — приказал я и передал ему штурвал.

— Гарри, если эта сволочь сожрет марлина, плакала твоя тысяча баксов, — просипел из кресла потный Чак перед тем, как я нырнул в каюту, где, упав на колени, дернул задвижку и откинул люк.

Лег на живот, сунул руку в машинное отделение и нащупал ложу бельгийского «ФН», притороченного специальными ремешками к трубе под потолком.

Выскочил на палубу, проверил магазин и переключил автомат на стрельбу очередями.

— Анджело, развернись-ка к нему бортом.

«Танцующая» запрыгала по волнам, и я вцепился в релинг. Наконец Анджело поравнялся с акулой: точно, молотоголовая, причем здоровенная, двенадцать футов от носа до хвоста, медно-бронзовая в кристальной воде.

Я тщательно прицелился в самый центр сплюсненной головы между безобразными глазными выростами и дал короткую очередь.

Автомат взревел, выплюнул стреляные гильзы, и вода взорвалась серией мелких всплесков.

Большой Джонни конвульсивно дернулся, когда пули впились ему в голову, раздробили хрящевую ткань и поразили крошечный мозг. Акула перевернулась на спину и тут же пошла ко дну.

— Спасибо, Гарри, — выдохнул Чак. Он покрылся испариной, а лицо его из бурого стало пунцовым.

— Любой каприз за ваши деньги, — усмехнулся я и ушел подменить Анджело у штурвала.

Без десяти час Чак вывел марлина под багор. Измучил его так, что огромная рыба легла на бок, едва пошевеливая серповидным

хвостом, она судорожно разевала и захлопывала копьеобразный клюв. Глаз размером со спелое яблоко уже потускнел, а продолговатое тело пульсировало и переливалось тысячами оттенков серебра, золота и королевского пурпура.

— Давай-ка поаккуратнее! — крикнул я, схватился рукой в перчатке за стальной поводок и подтянул рыбу туда, где с крюком из нержавеющей стали на деревянном древке ее уже поджидал Чабби.

Тот испепелил меня взглядом, ясно давая понять, что бил марлинов, когда я в трущобах Лондона еще пешком под стол ходил.

— Жди волны, — снова предупредил я, просто чтобы его подколоть, но в ответ на очередной непрошенный совет Чабби лишь скривил физиономию.

Волна придвинула рыбину к борту и развернула сияющим брюхом вверх. Крылья грудных плавников раскинулись в стороны.

— Давай! — скомандовал я, и Чабби вогнал крюк глубоко в марлиную грудь. Брызнул фонтан ярко-малиновой венозной крови, и море вспенилось добела, когда рыба забилась в предсмертных судорогах, выплеснув на нас с полсотни галлонов соленой воды.

Я подвесил ее на стрелу крана на Адмиралтейской пристани. Портовый инспектор Бенджамин выписал сертификат с указанием веса добычи: восемьсот семнадцать фунтов. После смерти марлина яркие флуоресцентные цвета его, померкнув, сменились равномерным подкопченно-черным, но он впечатлял одними своими размерами: четырнадцать футов шесть дюймов от копейного острия клюва до кончика рельефного хвоста, формой напоминавшего ласточкин.

— На Адмиралтейской мистер Гарри Моисея вздернул! — разносили весть уличные босяки, и островитяне, с радостью хватаясь за повод отлынить от работы, праздничными ручейками стекались на причал.

Слухи дошли до самого утеса, где высилась старинная резиденция губернатора, и вскоре по извилистой дороге прогудел президентский «лендровер» с трепетавшим на капоте ярким флажком. Машина протиснулась сквозь толпу, после чего извергла на причал великого человека по имени Годфри Бидль. До независимости он, рожденный на острове, но получивший образование в Лондоне, был единственным здешним солиситором.

— Мистер Гарри, какой изумительный экземпляр! — восхищенно воскликнул он и подошел пожать мне руку.

Да, такая рыбина способна дать неплохой стимул туристическому бизнесу, ведь он сейчас на подъеме, а Бидль — один из самых прозорливых президентов в здешних краях.

— Спасибо, господин президент.

Даже в черном хомбурге он не доходил мне до плеча. Не человек, а симфония в черных тонах: черный шерстяной костюм, черные лакированные туфли, кожа как полированный антрацит, и лишь над ушами курчавится полоска невероятно белых пушистых волос.

— Поздравляю, от всей души поздравляю!

Президент Бидль аж приплясывал от волнения. Я понял, что и в этом сезоне меня будут приглашать в резиденцию на званые ужины. Президент уже принял меня за своего, за островитянина, пусть даже на это ушел год-другой, и теперь я был одним из его «детей», имевших право на сопутствующие привилегии.

Фред Кокер прибыл на катафалке, но в фотографическом всеоружии. Поставил треногу и скрылся под черной накидкой, чтобы навести древнюю камеру на резкость. Мы же выстроились на фоне колоссальной туши: в центре Чак с удилицем, а вокруг остальные со сложенными руками, как футболисты после матча. Мы с Анджело ослабли, а Чабби уставился в объектив, соорудив особенно хмурую гримасу. Отличный кадр для нового рекламного буклета: верная команда и неустрашимый шкипер, фуражка поверх курчавой шевелюры, крепкая шерстяная грудь под растянутой рубахой... В следующем сезоне от клиентов не будет отбоя.

Я сказал, чтобы марлина отволокли на экспортный склад ананасов и убрали в холод, — на следующем рефрижераторном судне отправлю в «Роулэнд уордс оф Ландон», чтоб сделали чучело. Потом велел Анджело с Чабби надраить палубы «Танцующей», перегнать ее в другой конец бухты, заправиться на станции «Шелл» и поставить катер на прикол.

Когда мы с Чаком забирались в кабину моего старенького «форда», Чабби, словно беговой «жучок», притиснулся к пикапу и сказал уголком рта, глядя куда-то в сторону:

— Гарри, насчет премии за марлина...

Я с полуслова понял, о чем он — такое мы проходили после всякой успешной рыбалки, — поэтому договорил за него:

— ...миссис Чабби совсем не обязательно о ней знать.

— Ага, — траурно кивнул наш морской волк и сдвинул на затылок просоленную кепку.

Следующим утром я посадил Чака на девятичасовой рейс, а всю обратную дорогу горланил песни и гудел в гудок «фордика», завидев островитянок, трудившихся на ананасовых плантациях. Девчонки разгибались и, сверкая улыбками из-под широких соломенных шляп, махали мне рукой.

В турагентстве Кокера я обналичил Чаковы дорожные чеки «Американ экспресс», но сперва поныл насчет обменного курса. Фред Кокер разделся как на парад, был во фраке и при черном галстуке: в полдень у него планировались похороны, а потому тренога с камерой на время отправились в чулан, и фотограф вошел в образ гробовщика.

Бюро похоронных услуг Кокера располагалось в соседней с турагентством комнате, имевшей отдельный въезд из переулка. Фред гонял на катафалке в аэропорт, чтобы забрать туристов, но перед тем втихую менял на машине рекламный щит и монтировал дополнительные сиденья над салазками для гроба.

Все клиенты приходили ко мне через Кокера, поэтому он брал десятину с моих дорожных чеков. Еще у Фреда имелось страховое агентство, и он сперва удерживал ежегодный взнос за «Танцующую», а потом тщательно подбивал баланс, после чего я не менее скрупулезно перепроверял все цифры. Рослый, тощий и подтянутый Фред смахивает на школьного учителя, и островной крови в нем ровно столько, чтобы создать иллюзию здорового загара, но пальца ему в рот не клади: и руку откусит, и ногу вдобавок.

Он с терпеливым пониманием ждал, пока я все подсчитаю, а когда я сунул деньги в задний карман штанов, Фред сверкнул золотым пенсне и сообщил доверительным тоном любящего папаши:

— Не забудь, мистер Гарри, что завтра у тебя клиенты.

— Не забуду, мистер Кокер. И ты не переживай. Команда будет в полном порядке.

— Твоя команда уже в «Лорде Нельсоне», — тактично напомнил Фред, державший на пульсе острова чуткую, но железную руку.

— Мистер Кокер, у меня фрахтовый бизнес, а не общество трезвости. Не переживай, — повторил я и встал. — От похмелья еще никто не умирал.

Я перешел улицу Дрейка и оказался в лавке Эдвардов, где меня приветствовали как героя: сама Мамка Эдди выплыла из-за прилавка и заключила меня в теплые пышногрудые объятия, при этом воркуя:

— Мистер Гарри, я же была вчера на пристани! Видела рыбку, которую ты подвесил, своими глазами видела! — Не размыкая цепких рук, она повернулась и крикнула одной из девочек: — Ширли, ну-ка принеси мистеру Гарри баночку холодного пива!

Я выудил из кармана рулон наличности, и милые продавщицы зачирикали воробьями, а Мамка Эдди закатила глаза и стиснула меня крепче прежнего.

— Напомните-ка, сколько я вам должен, миссис Эдди?

С июня по ноябрь рыбалки тут нет, и Мамка Эдди помогает мне держаться на плаву.

Я облокотился на прилавок с банкой пива в руке и стал выбирать всякие товары, а между делом поглядывать на девичьи ножки, когда продавщицы в мини-юбках сновали по стремянкам, чтобы достать мои покупки с верхних полок. Короче говоря, с тугим рулоном зелени в заднем кармане штанов Старина Гарри чувствовал себя весьма неплохо и даже замечательно.

Потом я отправился на станцию «Шелл», где управляющий встретил меня в дверях кабинета, расположенного между громадными серебристыми баками с горячим:

— Гарри, миленький, я тебя с самого утра жду! Головной офис мне всю плешь проел насчет твоего кредита!

— Считаю, что дождался, братец, — отвечивал я.

Подобно большинству красавиц, «Танцующая по волнам» — весьма требовательная госпожа, и по возвращении в «фордик» карман мой заметно отошал.

Меня поджидали на открытой веранде «Лорда Нельсона». Остров уже шесть лет как наслаждается независимостью от короны, но очень гордится былыми связями с Королевским ВМФ,

который базировался здесь два века кряду, поэтому бар украшают выцветшие эстампы картин давно почивших художников с изображением огромных кораблей, бороздящих воды Мозамбикского пролива или стоящих на рейде в Гранд-Харборе неподалеку от Адмиралтейской пристани: военных и торговых судов Ост-Индской компании, что запасались здесь провиантом и латали прорехи перед долгим путешествием на юг, к мысу Доброй Надежды и дальше в Атлантику. На Сент-Мэри помнят и место острова в истории британского флота, и адмиралов, приводивших сюда могучие корабли.

От бывшего великолепия «Лорда Нельсона» осталось одно название, но мне все равно по душе его ветхая элегантность, связывающая остров с прошлым гораздо крепче, чем башня из стекла и бетона, воздвигнутая Хилтоном на мысе чуть выше Гранд-Харбора.

Чабби с женой, оба в воскресном облачении, расселись бок о бок на лавке у дальней стены. Проще всего различать их по одежке: в тот день на Чабби была «тройка» (ее он покупал на свадьбу — теперь же половины пуговиц не хватало, а остальные болтались на нитках) и морская кепка в кристаллах соли и пятнах рыбьей крови, а на жене — длинное шерстяное платье (в прошлом черное, но теперь позеленевшее от старости) и черные викторианские боты на пуговичных застежках. Что же до темно-махагоновых физиономий, у обоих они практически одинаковые, хотя сегодня Чабби был свежевыбрит и, в отличие от супруги, не мог похвастать легкой порослью над верхней губой.

- Здравствуйте, миссис Чабби, как поживаете? — спросил я.
- Спасибо, хорошо, мистер Гарри.
- В таком случае разрешите вас угостить?
- Мне бы каплю апельсинового джина, мистер Гарри, да кружечку биттера на запивку.

Пока я отсчитывал ей мужнину долю, она потягивала сладкий джин и беззвучно шевелила губами, проверяя, не сбился ли я со счета. Чабби с тревогой наблюдал за нами, и я вновь задался вопросом, как он все эти годы ухитрялся скрывать от жены марлиновую премию.

Миссис Чабби допила пиво, и пена осела у нее на усах.

- Пойду я, пожалуй, мистер Гарри.

Она величаво поднялась и выплыла со двора, а когда свернула на улицу Фробишера, я сунул руку под стол, передал Чабби жиденькую стопку кушур, и мы проследовали во внутренний бар.

Справа от Анджело сидела девица, слева — еще одна, а третья пристроилась у него на коленях. Черную шелковую рубашу он расстегнул до самого ремня, выставив напоказ блестящую мускулистую грудь, тесные джинсы не оставляли сомнений в его половой принадлежности, а в сшитых на заказ ковбойских сапогах можно было разглядеть собственное отражение. Волосы он набриолинил и зализал к затылку: сегодня Анджело косил под молодого Элвиса. Сверкал улыбкой на весь бар, словно прожектор, а когда мы рассчитались, сунул по денежке в каждое из трех декольте.

— Элеонора, посиди-ка на коленках у Гарри, только не сильно ерзай, а то он у нас девственник, так что полегче с ним, поняла? — Он залился счастливым смехом, а потом повернулся к Чабби. — Ну что ты, Чабби, все время то лыбишься, то хихикаешь как дурак. Хватит уже хихикать! — (Тут Чабби совсем нахмурился, пошел складками и стал похож на бульдога.) — Эй, мистер бармен, поднеси стаканчик нашему Чабби! Может, хоть лыбиться перестанет, а то дурак дураком!

Ближе к четырем часам дня Анджело прогнал девиц и стал беседовать со своим стаканом, заранее выложив на стол бритвенно-острый разделочный ножик, злобно блестевший в свете верхних ламп. Он что-то мрачно бормотал, погрузившись в пьяную меланхолию, и каждые несколько минут проверял кончик лезвия большим пальцем, после чего обводил питейную комнату сердитым взглядом, но никто не обращал на него внимания.

Чабби сидел напротив меня и улыбался до ушей, словно гигантская бурая жаба, демонстрируя полный комплект крупных и удивительно белых зубов с розовыми пластмассовыми деснами. Потом мускулистой рукой приобнял меня за шею и с чувством изрек:

— Хороший ты парень, Гарри! Я тебе сейчас такое скажу, Гарри, чего никогда еще не говорил. — Он со значением покивал, собираясь с духом, прежде чем сделать объявление, традиционное для каждого дня полочки. — Уважаю я тебя, Гарри. Люблю сильнее, чем брата родного.

Я приподнял его зловонную кепку, ласково погладил Чабби по безволосому коричневому кумполу и признался:

— Я тоже тебя люблю, скорлупка ты моя белоснежная.

Отпрянув на расстояние вытянутой руки, он какое-то время всматривался мне в лицо, а потом взревел львиным хохотом, да таким заразительным, что мы оба еще смеялись, когда к нам подсел Фред Кокер. Поправив пенсне, он чопорно сообщил:

— Мистер Гарри, я только что получил срочную весть из Лондона. Фрахтовка отменяется.

— Что за... — Мне тут же стало не до смеха. Две недели простоя в высокий сезон и вшивые двести долларов неустойки? — Мистер Кокер, крутись как хочешь, но чтобы привел мне клиентов! — От денег Чака остались три сотенные бумажки. — Чтоб клиентов мне привел! — повторил я, а Анджело схватил ножик, со всей дури воткнул его в столешницу и мрачно обозрел комнату, но никто по-прежнему не обращал на него внимания.

— Попробую, — сказал Фред Кокер, — но уже слегка поздновато.

— Дай телеграмму тем, кого мы отшили.

— Телеграмму? За чей счет? — вежливо уточнил Фред.

— За мой, черт тебя дер! —

Он кивнул и вышел. На улице затарахтел мотор катафалка.

— Не переживай, Гарри, — успокоил меня Чабби, — я все равно тебя люблю.

Вдруг Анджело, который уже успел провалиться в сон, оглушительно треснулся лбом о дощатый стол. Я сдвинул его голову, чтобы он не захлебнулся в лужице пролитого джина, спрятал ножик в ножны, а заодно забрал из кармана Анджело деньги с целью уберечь их от слонявшихся поблизости девиц.

Чабби заказал еще по одной, после чего неровным голосом затянул бессвязную матросскую песню на островном наречии. Я же сидел и волновался, потому что снова балансировал на грани финансового коллапса.

Господи, как же я ненавижу деньги! Особенно когда их нет. От этих двух недель зависит, переживем ли мы с «Танцующей» скорое безрыбье, не утратив добрых намерений. А я знал, что не переживем. И опять сорвемся в ночные заплывы.

Ну его к черту! Раз деваться некуда, какой смысл тянуть? Пошлю кому надо весточку, что Гарри снова в деле. Приняв решение,

я всем нутром ощутил приятный зуд — тот, что всегда донимает меня накануне рискованного дела. В конце концов, следующие две недели могут оказаться не такими уж пустыми.

Я взялся подпевать, хотя песни у нас, похоже, были разные: в моей припев заканчивался гораздо раньше, чем в Чаббиной.

Неудивительно, что наша песнопевческая вакханалия привлекла внимание стражей правопорядка. На Сент-Мэри закон является к людям в обличе инспектора и/или четверых патрульных, которых для нашего острова более чем достаточно: если не считать «половых сношений с несовершеннолетними» и эпизодического поколачивания жен, здесь нет ничего, что можно называть «преступностью».

Инспектор Питер Дейли — молодой человек с белесыми усиками, британским румянцем на гладких щеках и блекло-голубыми, посаженными у самой переносицы глазами, что добавляет ему сходства с амбарной крысой. Он наряжен под сотрудника британской колониальной полиции: фуражка с серебряной кокардой и рантиком из лакированной кожи, форма защитного цвета, отутюженная и накрахмаленная так, что поскрипывает при ходьбе, лакированный поясной ремень и португеза справа налево — ее еще называют «поясом Сэма Брауна». В руке — офицерский стек из ротанга, также затянутый в лакированную кожу. Если не обращать внимания на желто-зеленые островные эполеты, передо мною стояла гордость Британской империи, но империи имеют свойство подгнивать, а служащие им люди — и подавно.

— Мистер Флетчер, — произнес Дейли, нависнув над столом и легонько похлопывая стеклом о ладонь, — я пришел выразить надежду, что сегодня вечером обойдется без неприятностей.

— Сэр, — подсказал я.

Мы с инспектором так и не сдружились. Не люблю нахалов, а еще не люблю, когда власть имущие вдобавок к приличному жалованью обирают честных людей. В прошлом Дейли отгрыз немалую долю моего золотишка, добытого тяжким трудом, и это самый непростительный из его грехов.

Плотно сжав губы под белесыми усиками, инспектор побагровел и нехотя выдавил:

— Сэр.

По правде говоря, на заре времен мы с Чабби, вздернув Моисея, разок-другой давали волю мальчишеской дурашливости, но

Дейли все равно не имел права говорить со мной в таком тоне. В конце концов, он всего лишь экспатриант с трехлетним контрактом, и сам президент нашептал мне, что этот контракт возобновлять не планируется.

— Инспектор, согласитесь ли вы, если я предположу, что этот паб — общественное место и что мы с друзьями имеем полное право здесь находиться?

— Соглашусь.

— Прав ли я, считая, что мелодичное исполнение благопристойных песен в общественном месте не содержит в себе состава преступления?

— Да, правы, но...

— В таком случае шли бы вы куда подальше, инспектор, — ласково посоветовал я.

Он помедлил, поглядывая то на Чабби, то на меня. Мы вдвоем с Чабби — сила, с которой нельзя не считаться, и Дейли уже видел у нас в глазах дьявольский боевой огонек. Судя по лицу, он сильно жалел, что не захватил с собой патрульных.

— И не забывайте, что вы у меня под наблюдением, — наконец процедил он, цепляясь за остатки достоинства, как нищий цепляется за свои лохмотья, и удалился.

— Чабби, твоему пению сами ангелы обзавидуются, — сказал я.

— Гарри, вот за это я тебя угощу, — просиял Чабби, а Фред Кокер подоспел как раз вовремя, чтобы Чабби и его угостил. Меня чуть не вывернуло, когда Фред опрокинул кружку лагера с лаймовым соком, но принесенные им известия оказали на мой организм самое целительное воздействие.

— Мистер Гарри, будут тебе клиенты.

— Мистер Кокер, ты ж моя радость!

— И моя, — подхватил Чабби.

Но в глубине души меня кольнуло разочарование — ведь я уже предвкушал очередной ночной заплыв.

— Когда приезжают? — спросил я.

— Уже приехали. Под дверью топтались.

— Да ну?!

— Они в курсе, что у вас сорвалась фрахтовка. Спрашивали конкретно тебя, Гарри Флетчера. Наверное, прилетели на одном самолете с восточкой из Лондона.